

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин

[1]

Повесть для театра

Рано-рано утром, во тьме, кто-то отчаянно закричал:

– Где я?! Э-эй!.. Есть тут кто-нибудь?! Где я?..

И во тьме же, рядом, заговорили недовольные голоса, сразу несколько.

– На том свете. Чего орешь-то?

– Где я? Где мы?..

– На том свете. Чего орешь-то?

– Ну чего зря пугать человека! Не на том свете, а в морге пока. У меня вон номерок на ноге... вот он – болтается, чую. Интересно, какой я по счету?

– А где мы? Чего зубоскалите-то? Где, я спрашиваю?!

– Не ори, а то я подумаю сдуру, что ты моя жена и полезу целоваться; она всегда орет с утра. Она орет, а я ей – раз – поцелуйчик: на, только не вопи.

– Ну и как? – поинтересовался хриплый басок. – Помогает?

– Слабо...

– Если б ты ей четвертым рот залепил, она бы замолкла.

– Четвертного у меня с утра... Я за четвертой-то сам зареву не хуже слона... А ты мне лепи четвертные.

– Где мы находимся, я вас спрашиваю?! – опять закричал тот, истеричный.

Тут вспыхнул свет... И видно стало, что это – вытрезвитель. И лежат в кроватках под простынями восемь голубчиков... Смотрят друг на друга – век не виделись.

Открылась железная дверь, и в комнату вошел дежурный старшина.

– Чего кричите? – спросил он. – Кто кричал?

– Я, – сказал человек довольно интеллигентного вида. Он хотел встать с кровати, но, обнаружив, что он почти голый, запахнулся простыней и тогда только встал. И подошел к старшине... – У меня к вам вопрос: скажите, пожалуйста, где я нахожусь? – он стоял перед старшиной, как древний римлянин, довольно знатный, но крепко с похмелья. – Я что-то не могу понять – что это здесь?

– Санаторий «Светлые горы».

– Что за шуточки! – повысил голос интеллигент. – Я вас серьезно спрашиваю.

– Ложись, – показал старшина, – и жди команды. Серьезно он спрашивает... Это тебя сейчас будут серьезно спрашивать.

Интеллигент струсил.

– Простите... Вы в каком звании, я без очков не вижу? Где-то потерял очки, знаете...

– Генерал-майор.

Древний помятый римлянин стоял и смотрел на старшину.

– Я вас не понимаю, – сказал он. – Вы всегда с утра остерите?

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Чтоб тишина была, – велел старшина. И пошел к двери.

– Товарищ старшина!.. – вежливо позвал его здоровенный детина, сосед очкарика по кровати. – У вас закурить не будет?

– Не будет, – жестко сказал старшина. И вышел. И закрыл дверь на ключ.

– Опять по пятницам, – запел детина, качая голос; он был, наверно, урка, – пойдут х-свидания-а, и слезы горькие моей... Ложись, очкарь. Что ты волну поднял? Мы находимся в медвытрезвителе... какого района, я, правда, не знаю. Кто знает, в каком мы районе?

– Районе!.. – сказал мрачный человек. – Я город-то не знаю.

Очкарик ринулся взволнованно ходить по комнате.

– Слушай, ты мне действуешь на нервы, – зло сказал урка, – сядь.

– Что значит действую на нервы? Что значит сядь?

– Значит, не мельтеши. А то я гляжу на тебя – и мне всякие покойники в башку лезут.

– Но что я мог такого сделать? – все не унимался очкарик. И все ходил и ходил, как маятник. – Почему меня... не домой, а куда-то... черт его знает куда? Что они, озверели?

– Ты понял! – воскликнул урка. – Убил человека и еще ходит удивляется!.. Во, тип-то.

Очкарик остановился... и даже рот у него открылся сам собой.

– Как это? Вы что?..

– Что?

– Человека?..

– Нет, шимпанзе. Что ты дурачка-то из себя строишь? Ты же не на следствии пока. Перед следователем потом валяй ваньку, а перед нами нечего.

– Да-а, милоч, – сочувственно протянул маленький сухонький человечек, – вляпают тебе... Но ты напирай, что – неумышленно. А то... это... как бы того... не это...

– Он же выпимши был, – заспорил с сухоньким некто курносый, с женским голосом. – Чего ты намекаешь тут – «того», «не того»?.. Человек был выпимши. Вишь, он даже не помнит, как попал сюда.

– Теперь это не считается, – приподнялся на локте сухонький; видно, любитель был поспорить. – Теперь что был выпимши, что не был – один черт.

– Наоборот! – воскликнул урка. – Отягчающее мешок обстоятельство. За что ты его под трамвай-то толкнул?

Очкарик стоял белый, как простыня... И вертел головой то туда, то сюда, где говорили.

– Вы что? – сказал он трагическим голосом, тихо.

– Что?

– Какого человека?

– Это тебе лучше знать. Шли, спорили про какие-то уравнения... – стал рассказывать урка. – Как раз ехал трамвай, этот – чух его под трамвай!.. Того – пополам. Жутко смотреть было. Народу сразу сбежалось!.. Седой такой лежал... он головой к тротуару упал, а вторая половина под трамваем. И портфель так валяется...

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ты видел, что ли? – спросил сухонький.

– Я видел!.. – повторил по-одесски урка. – А почему я здесь? А потому что я сзади шел. А когда стали свидетелей собирать, я заартачился... нагрубил милиционеру...

– Тьфу!.. Из-за какого-то уравнения – человека под трамвай! – искренне и глубоко возмущился человек с женским голосом; он был очень нервный человек, даже какой-то сосредоточенно-нервный. – Что уж в том уравнении? Сели на лавочку и решили...

– Совсем одичал народ, – негромко, сам себе, промолвил мрачный. – Убить – запросто.

Парень крестьянского облика не принимал участия в этом страшном разговоре, лежал, смотрел в потолок...

Вдруг он сел и с ужасом сказал:

– А не убил ли и я кого?

И так это у него простодушно вышло, с таким неподдельным ужасом, что некоторые невольно – через силу – засмеялись.

– Ты откуда будешь-то? – спросил его сосед, весьма потертый, весьма и весьма, видно, стреляный воробей, электрик, как он впоследствии отрекомендовался.

– Из Окладихи, – сказал парень. – Тракторист.

– Ого! – удивились. – Куда тебя занесло.

– Что, тоже кого-нибудь убил?

– Нет, он, наверно, теще всыпал, – предположил электрик. – Или соседа поджег.

– У меня теща хорошая, – сказал парень.

– Ну, соседа поджег.

Парень мучительно вспоминал:

– Неужели Мишке чего?.. Я, вообще-то, сулился его свинье глаз выбить: повадилась в огород, зараза, спасу нет. Говорю, да надень ты ей эту... крестовину, у нас такую надевают свинешкам на шею, забыл, как называется, – чтоб они в дырки в городьбе не пролезали... Надень, ты, говорю, ей эту штуку, житья же нет от твоей свиньи! Он мне: «Сам надевай». – «Тогда, – говорю, – я ей глаз выбью, она будет по кругу ходить – и в свой же огород придет».

– Это ты точно рассчитал, – похвалил электрик. Ему очень понравилась техническая мысль тракториста, он даже стал показывать пальцем на простыне схему движения свиньи. – Значит, она вышла из дома и направилась в твой огород... Так? Но у ней же косинус, поэтому она загнет такой круг – от так от пойдет – пойдет – пойдет – и придет к себе же в огород. А сама будет думать, что она – в твоём огороде.

– Да она-то!.. – воскликнул тракторист. – Пусть как хочет, так и думает, зараза, меня не волнует. Главное, Мишка бы задумался. Неужели я ей все же вышиб глаз?

– Ну, особо-то не переживай: за глаз больше семи суток не дадут.

– Или заставят стеклянный вставить, – хихикнул сухонький.

Остолбневший очкарик сдвинулся наконец с места и подсел было к урке.

– Слушайте, вы что...

– Не садись ко мне! – закричал урка испуганно. – Я тебя не знаю! Первый раз вижу!..

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Очкарик вскочил, как ошпаренный... И беспомощно посмотрел на всех.

Некоторое время все молчали.

– У тебя семья-то есть? – спросил его электрик.

– А? Семья? – потерянно переспросил интеллигент. – Нет, вы что, разыгрываете меня, что ли?

На него горестно и серьезно смотрели.

– Ну что, что-о?! – чуть не заплакал очкарик. – Что смотрите-то?!

– Молодой еще...

– Может, и хорошо, что молодой: не такой старый выйдет.

– Так-то оно так... если, конечно, не... это... не того... – это разговаривали между собой электрик и сухонький. – Могут ведь и... того... Как посмотрят.

– Да, это уж какое примут решение.

– Из-за какого-то уравнения!..

– Да расстреляют, – открыто ляпнул нервный с женским голосом. – Чего тут гадать-то? Ученого же толкнул...

– А? – машинально спросил очкарик.

– Кого толкнул под трамвай-то? Ученого?

Вместо ответа очкарик бросился к двери и забарабанил в нее кулаками.

– Откройте! Откройте, пожалуйста!.. Я хочу спросить!

Дверь скоро открылась... Заглянул старшина.

– Что такое?

– Что я вчера сделал? Я не помню... Что я сделал? Почему они про какое-то...

Старшина захлопнул дверь и, запирая ее снаружи на ключ, сказал:

– Скоро скажут, что сделал. Больше не стучать.

– Товарищи, – взмолился очкарик, обращаясь ко всем, к урке в частности, – да вы что? Не мог я человека под трамвай...

– Крепись, – сказал ему мрачный человек.

– Вот хуже нет этих!.. – с некоторой даже безразличностью сказал урка. – Чего теперь психовать-то? Сделал – сделал, все. Нет, он будет окружающим кишки мотать, на нервы, падла, действовать. Ляжь – и жди.

– Ученого толкнул или нет? – все хотел понять нервный.

– Ну а как же? Раз об уравнениях шли спорили... Это Иван вон ни с кем не спорил, а взял и рассчитал, как свинья будет ходить с одним глазом. И так точно рассчитал! – электрику очень нравился расчет тракториста. – Это же надо так рассчитать. Вот же и Ванька!..

– Вспомнил! – сказал тракторист. И сел. – Никакой свиньи не было: я выехал трактором на асфальт.

– Ну? И что? – не понял электрик.

– Что... Не положено, что. Я вижу: приближаются на коляске... А у меня с собой бутылка была, я домой ехал, в баню торопился, поэтому на асфальт выехал – угол

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru срезать...

– Ничего не понимаю: какой угол?

– Чтоб сократить маленько. Если от Игренева на Окладиху идти проселком – это семь километров, а если маленько асфальта прихватить...

– Ну, ну?

– Ну, думаю, все равно они ее сейчас найдут... Пока они приближались, я ее всю осадил.

– Бутылку?

– Ну.

Тут все даже привстали от удивления. Не все поверили.

– Всю бутылку?

– Всю.

– С какой же скоростью они ехали? – опять живо заинтересовался электрик. – На коляске-то.

– Ты спроси, с какой скоростью он пил? Не верю, – заявил сухонький. – Что, насос, что ли?

– А далеко ты их увидел? – поинтересовался и урка.

– За километр примерно. Оглянулся – догоняют...

– Можно успеть, – авторитетно сказал урка. – Запросто. С какой бы скоростью они ни ехали. Надо только бутылку вот так вот раскрутить...

Тут в комнату вошла – ее впустил старшина – тетя Нюра с ведром и тряпкой.

– Всем лежать, – приказала тетя Нюра. – Курева не просить, в магазин не провоцировать – не положено.

– Здравствуй, тетя Нюра, – ласково сказал электрик. – Доброе утречко! Чего это ты спозаранку не в настроении?

– О, опять тут? – не очень удивилась тетя Нюра.

– Тут, тут... Как поется: де-евушки, где вы? Тута, тута!..

– И я тут, тетя Нюр, – хихикнул сухонький. – Не узнаешь?

Тетя Нюра пригляделась... И узнала.

– Опять жена привела?

Сухонький на это почему-то обиделся.

– Что значит, жена? Что я, телок, что ли, бессловесный, что она каждый раз будет приводить меня к вам на веревочке? – сухонький помолчал и сказал не без гордости: – Меня привезли.

Тетя Нюра оглянулась на дверь... И скоренько полезла рукой куда-то под фартук себе.

– По одному – у окошка вон, чтоб запаху не было... В порядке живой очереди.

Первым вскочил шустрый электрик, взял у тети Нюры сигаретку, спички и пошел к окну курить.

– Я за тобой, – застолбил сухонький.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Но тут встал урка, запахнулся простыней, подошел к электрику и отнял у него сигарету.

– После меня будете, – сказал он.

– Ты чего тут? – возмутилась добрая тетя Нюра. – Ну-ка отдай сейчас же! А то огрею вот тряпкой, будешь знать, как отбирать. Здоровый?.. Иди в цирк гири поднимать, а обижать не смей!

– Спокойно, тетя Нюра, – сказал урка, затягиваясь сигаретой. – Не поднимай волны.

– Отдай, – кратко сказал мрачный человек, дядя решительный и еще более здоровый, чем урка.

Урка значительно посмотрел на мрачного... И отдал сигаретку электрику. И лег.

– Там будешь свои порядки устанавливать, – еще сказал мрачный, – а здесь... пока рано.

Урка опять значительно посмотрел на мрачного. Всем стало как-то не по себе.

– Ну, ладно, – сказал сухонький урке, – так и быть – будешь за ним, а я за тобой.

– Чего это? – уперся мрачный. – Будешь, как занял, я за тобой, а за мной... Ты куришь? – повернулся он к нервному с тонким голосом.

– Нет, – откликнулся тот. – Бросил. У меня язва луковицы двенадцатиперстной кишки.

– А ты? Кандидат?

– Я? – очнулся очкарик. – Нет.

– А я бы курнул, – с тоской молвил Иван-тракторист.

– Ты за мной, – сказал ему мрачный. – А ты, – мрачный небрежно глянул на урку – за Иваном.

Урка лежал, закинув руки за голову... Свирепо смотрел в потолок.

– Сколько у тебя, тетя Нюр? – спросил электрик.

– По одной всем хватит. Пускай дым-то повыше... а то мне опять на вид поставют. Жалеешь вас...

Электрик вчастую докурил сигарету, старательно пуская дым к высокому зарешеченному окну, рамы которого, по летнему времени, были открыты.

– Давай, – сказал он сухонькому. А сам лег опять в кровать.

Теперь сухонький пристроился к окну и с удовольствием пошел затягиваться, и даже затараторил – от удовольствия же.

– Как ты говоришь: луковица двенадцатиперстной кишки? – поинтересовался он.

– Да, – откликнулся нервный. – Ниша.

– Ниша?

– Ниша.

Сухонький покачал головой... Но все равно на лице у не-го было одно сплошное удовольствие.

– Ну язык выдумали! Я как-то был в поликлинике, читаю на двери: «Исследование

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru моторной функции желудка». Совсем зарпортовались: мотор в желудке исследуют...

– Ты не болтай, а кури, – посоветовал мрачный. – Легко, думаешь, лежать смотреть на тебя.

Очкарик сидел на своей кровати, тупо смотрел перед собой... Ничего, казалось, не видел и не слышал.

– Подними-ка ноги-то, – попросила его тетя Нюра, подлезая с тряпкой под кровать.

Очкарик поднял ноги и в этом неловком положении заговорил с ней.

– Тетя Нюра... Анна... как вас по отчеству?

– Анна Никитишна.

– Анна Никитишна, вы не слышали, кого вчера под трамвай толкнули?

– Под трамвай? – удивилась тетя Нюра. – Да кого же это? Когда?

– Вчера вечером, – очкарик все держал ноги на весу, хотя в этом не было теперь надобности. – В районе Садовой... Было там какое-нибудь движение?

– Движение там всегда есть...

– Я имею в виду – народ сбегался?

– Да брось ты, чудак! – пожалел его мрачный. – Разыграли тебя. Вон лежит... соловей-разбойник с кондитерской, развлекается. Кого ты можешь под трамвай толкнуть? Хорошо самого не толкнули...

Очкарик опустил ноги и встал... И долго, и внимательно – очень долго, очень внимательно – смотрел на урку.

– Что, очкарь? – повеселел тот. – Перетрухал? Хох, гнида!..

– Сейчас подойду и дам пощечину, – сказал очкарик дрожащим от обиды голосом.

Урка изумленно выпучил на него глаза... Смотрел некоторое время. Потом встал, шикарным жестом запахнулся простыней и медленно – очень медленно – пошел к очкарику.

– Я вас прошу, синьор духарь, дайте мне пощечину. Умоляю... надо же держать слово. А то я обижусь и буду вас долго-долго метелить. Ну?... Мы же с вами джелтьмены, вы сказали слово, надо же держать слово.

– Совершенно верно, слово надо держать. Я плохо вижу, где ваше лицо?

– Вот мое лицо, вот... – урка показал пальцем. – Вот эта вот окружность – это моя личность, в такую луну нельзя промахнуться. Ну? Я же тебя оскорбил... Разыграл, как дуру, ты же кандидат...

Все напряженно ждали, чем закончится эта сцена между двумя «джелтьменами».

– Могу еще оскорбить, вонючка ученая. Гнида. Как еще?..

– Достаточно, – молвил очкарик. Он распрямился и довольно торжественно, – то ли не чувствуя страха, то ли от театральности, свойственной ему, – произнес фразу: – От имени всех очкариков! – и залепил урке отчетливую пощечину.

– Вот как! – удивилась даже тетя Нюра; по простоте душевной она сперва не поняла, что готовится именно пощечина. – Ты што это, эй!

– Мх-х, хорошо, – как-то даже сладострастно сквозь стиснутые зубы пропел урка. – Еще раз... Умоляю, с другой стороны.

– Нет, этого вполне достаточно, – снисходительно сказал очкарик; странно, неужели он так и не почувствовал опасности, или эта театральность так въелась в

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru человека? Он хотел величаво отбыть в сторону своей койки, но урка поймал его за простыню и подтянул к себе.

– Ну, гнидушка-а, ну умоляю – еще раз, с другой стороны. Ох, как я сейчас буду метелить! – урка зажмурился и покачал головой. – Как же я буду метелить, мама родимая!.. Умоляю, кинь еще одну – для напряжения, чтобы я о так от, о так – рразорвал сразу...

Но тут встал мрачный со своей койки, подошел к ним и с усилием, решительно оторвал урку от очкарика.

– Дальше будешь иметь дело со мной, – сказал он урке.

Урка опять значительно и долго – в который уже раз он пускал свой взгляд в дело! – посмотрел на мрачного... Тот спокойно – тому кажется, даже доставляло удовольствие, что на него смотрят так значительно, – выдержал этот опасный взгляд и лег на свою кровать. Урка тоже лег. Все произошло в полной тишине. И в тишине же урка вдруг рывком скорчился на своей кровати, заскрипел зубами, закрутил головой и – не то простонал, не то взмолился злорадно своему жестокому богу – поклялся:

– Ох, как же я буду метелить! как я буду метелить!..

– Благодарю вас, – сказал очкарик мрачному. – Если бы у меня были очки, я бы схватился с этим орангутангом: я когда-то занимался боксом. Но без очков я плохо вижу.

Мрачный промолчал на это. А урка глубоко вздохнул и сказал негромко себе:

– Только бы дожить до светлых дней.

Сухонький между тем докурил свою сигарету, с кровати поднялся мрачный; тетя Нюра вынула из-под фартука сигарету и уважительно дала ему.

– Чего тут не поделили-то? – спросила она серьезного сильного человека, мрачного.

– Да так... с похмелья, – сказал тот.

– Ох, как же я буду метелить! – воскликнул опять урка, крутнулся под простыней и мучительно застонал. На него посмотрели, но никто ничего не сказал. Мрачный спокойно курил у окна, старался тоже пускать дым повыше.

– Любопытная вещь, – заговорил очкарик, – до определенного момента все отчетливо помню, дальше – полный провал: ничего не помню. Что за странный механизм памяти? По идее, я же ничего не должен помнить.

– Не-ет, – авторитетно заговорил электрик, – тут так: пока ты свою меру не взял, ты помнишь, дальше – взял меру, но в душе думаешь: мало, надо еще – все, пошел перебор. Дальше – рога в землю, и память автоматически отключается.

– Ни-че-го подобного, – тоже авторитетно и взволнованно возразил сухонький. – А как же бывает: домой пришел, а как пришел – не помнишь.

– Ну и что?

– Ну, по-твоему, я же не должен до дому дойти. А я дошел.

– Это значит, тебя развезло уже дома...

– Да где дома, где дома! – больше загорячился сухонький. – Я же утром-то вижу какой я пришел.

– Все зависит от нервной системы, – встрял в спор нервный. – У кого какая нервная система. Сколько ты можешь выпить? – спросил он электрика.

– Ну, это смотря как выпить. Я могу допустим...

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– До сшибачки. Сколько потребуется, чтобы ты упал и не поднялся?

Электрик подумал:

– Бутылку белой и бутылку чернил.

– Смотря каких...

– Три семерки.

– Так. А я с двух стаканов под стол лезу – потому что нервы.

– А вот я... Слушай сюда! Вот я, – затараторил сухонький и постучал пальцем в тощую свою грудь, – несмотря, что у меня такая комплекция, засосу полторы бутылки белой и не лягу.

– Ты?

– Я.

– Карлик с оглоблей, – непонятно сказал мрачный. И сам себе посмеялся.

– Мы, бывает, соберемся на трех, – продолжал сухонький, – по пять рваных на рыло – это получается...

Тут скрежетнул ключ в двери – раз, другой... Мрачный бросил сигарету в окно и в два свободных прыжка очутился возле своей койки. И лег. Дверь открылась, вошел старшина, а за ним еще некто, молодой, длинный, стеснительный, с портфелем.

– Однако, курили? – остановился старшина.

– Откуда! – воскликнул сухонький. – Где мы возьмем-то?

Старшина подозрительно посмотрел на тетю Нюру... Тетя Нюра старательно мыла пол. Домыла последнюю половицу и вышла.

– Поговорите вот... с товарищем, – сказал старшина. – Да не врите: это для статистики надо, – и старшина ушел.

– Товарищи, – подчеркнуто миролюбиво заговорил длинный с портфелем, – я не корреспондент, не из газеты... Я – социолог. Что я вас спрошу и что вы ответите – это никуда не пойдет, никаких фельетонов никто писать не будет. Я объясню, в чем дело. Группа социологов, я в том числе, исследует... мы исследуем вопрос происхождения... ну, пьянства, грубо говоря. Так сказать, причины и следствия. Для этого – на один-единственный вопрос, который я вам задам, – надо ответить... надо сказать всю правду. Вопрос такой: как вы здесь оказались? Еще раз повторяю: ваши ответы дальше моего блокнота никуда не пойдут, в том смысле, что никак вам не повредят. Начнем? – ближе всех к нему оказался нервный. – Вот вы, например... Как вы здесь оказались? Расскажите, пожалуйста.

Вместо подробного рассказа о том, как он здесь оказался, нервный вдруг устремил на социолога внимательный и тоже не лишенный значительности, как у урки, взгляд.

– А попрошу документы, – сказал он сухо.

Никто не ждал такого оборота. Притихли.

– Зачем? – спросил социолог.

– Рассказывай ему... А кто вы такой?

– Да я же вам только что объяснил.

– Документы.

– Ну, слушайте... уж поверьте, если бы я не имел права спрашивать вас, наверно, меня бы сюда не пустили.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Документы.

– Да нет у меня никаких документов, то есть, наверно, есть какие-то... нет, дома.
В комнате откровенно засмеялись такому наиву... Нервный, хоть опасливо, но тут же обнаглел.

– А голову, извиняюсь, вы не того... не это... Она не дома у вас?

– Ну, дела!

Социолог встал.

– Хорошо, – сказал он, – я попрошу начальника отделения, он объяснит вам... Не обманываю же я вас! Зачем мне это надо?

– Да, да, – согласился нервный, – зачем вам это надо? Вы наденьте форму и спрашивайте.

– Да нет, товарищи!.. Да действительно же я ученый! Ну, как вам?.. Хорошо, сейчас начальник скажет то же самое.

Социолог пошел к двери, постучал... Старшина открыл дверь и выпустил его.

– Понял?! – воскликнул нервный хвастливо. – Какую штуку удумали, а? Во, деятели...

– Да нет, друзья, – сказал очкарик, – это действительно ученый. Вы думаете, переодетый следователь? Нет.

Тут с койки рывком вскочил урка и мягко прошелся меж кроватей.

– Колонулся мальчик! – урка радостно засмеялся. – Ученый... Я бы не хотел с таким ученым за одной партой сидеть, умоляю. Наоборот, я бы хотел, чтобы он сидел под партой. Ну, Петя, ну, подрулил!..

– Да чушь это! – воскликнул очкарик. – Никакой он не следователь. Я знаю эти группы социологов...

– И его знаешь? – спросил нервный.

– Его не знаю, но знаю, чем они занимаются. Занимаются изучением серьезнейших вопросов...

– В вырезателях?

– И в вырезателях. А где же еще ему расскажут, почему человек напился, какие причины побудили...

– А если их нету, причин-то? – закипятился нервный. – Чего их искать, если их нету?

– Причины всегда есть. Просто они не всегда ясны нам самим...

– Ну, это уж тоже... лишь бы с портфелями бегать – ученых из себя изображать, – недовольно сказал мрачный. – Чего вот мне рассказать? Нечего. Напился, и все.

– Что же, без всякой причины? – поинтересовался очкарик.

– Без всякой причины.

– Но какая-то же должна быть причина...

– Да никакой причины. Взял две бутылки водки и выпил.

– И часто вы так?

– Раз в месяц напьюсь обязательно.

- А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
- Но почему? Тоска, что ли, какая?
 - Никакой тоски, – убежденно сказал мрачный. – Напьюсь, и все.
- Очкарик был в затруднении.
- Я не понимаю, – сказал он.
 - Я сам не понимаю, – искренне сказал мрачный. – Не хочу понимать.
 - Ну, может, ты фронт вспомнил, боевых товарищей, – подсказал сухонький; все как-то обнаружили вдруг, что, казалось бы, пустой разговор имеет некий скрытый смысл.
 - Никаких товарищей... Вообще не люблю войну вспоминать.
 - А что вы читали до этого момента? Или смотрели по телевизору?
 - До какого момента?
 - Как пойти в магазин.
 - Ничего не смотрел. Я люблю «В мире животных» смотреть, но она вечером бывает...
 - Вы кто по профессии? – стал невольно входить в подробности очкарик.
 - Крановщик.
 - Может, тебе с высоты грустно на людей смотреть? – опять выскочил с подсказкой сухонький.
 - Да ну!.. – мрачному надоело отвечать. – С высоты... Это тогда все летчики давно уже должны с круга спиться: там высота-то вон какая.
 - А что ты думаешь? Ты знаешь... – кинулся было спорить электрик, но открылась дверь – вошли социолог и начальник отделения. Старшина тоже вошел и стал сзади них.
 - Здравствуйте! – громко приветствовал всех начальник.
- С ним поздоровались. Может быть, не так громко, но почти все.
- Кто тут самый бдительный? – начальник посмотрел на социолога. – Кто потребовал документы?
 - Да нет, тут не в том дело, кто... Вы просто объясните.
 - А чего тут объяснять-то? Спрашивайте, и все, – начальник сел на стул. – А я посижу пока.
 - Лучше бы вы объяснили...
 - Вы спрашивайте, спрашивайте.
 - Итак, – обратился социолог к нервному, – что же с вами вчера случилось?
 - Это ученый разговор? – уточнил нервный.
 - Абсолютно ученый, никакой больше. Просто расскажите...
 - Я погожу пока, – сказал нервный.
 - То есть? – не понял социолог.
 - Я малость подзабыл... Я пока сосредоточусь.
 - Что значит «пока сосредоточусь»? – заговорил было начальник. – Что значит...

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Но социолог тут же запротестовал.

- Товарищ начальник... Я боюсь, мы так не поговорим.
- Почему? – удивился начальник.
- Не поговорим. Это надо иначе.
- Да у нас же тут есть духари! – воскликнул урка. – Вон у нас... духарь номер один
- ничего не боится, – урка показал на мрачного.

Мрачный внимательно посмотрел на урку... Опустив голову, подумал... И согласился.

- Я расскажу, если надо. Мне один черт, – он сел на койке, посмотрел на социолога. – Про вчерашний случай?
- Да именно: как было с вами вчера.
- Жена у меня, – сразу начал мрачный, – как бы это вам сказать... вечно у ней какие-то гости, мужики какие-то подозрительные, бабенки... Они мне надоели.
- А говоришь, причины нету, – сказал нервный.
- Это не причина, это тянется уже лет семь, – возразил мрачный. – И напился я вчера не из-за этого. Но они мне тоже сильно надоели.
- Жена где работает? – спросил социолог, поспевая писать в блокнот.

– Кассиршей в магазине. Не надо меня перебивать, я сам все расскажу Радости мне тут... от этого рассказа – не шибко. Я не знаю, чего они делают: я прихожу, они уходят. Я ее много раз предупреждал, она не вникает. Вчера прихожу – опять два мужика сидят и какая-то женщина. Коньяк на столе... Я их выкинул из квартиры. Один в трусах был. Жена где-то спряталась: все перерыл – нету. Может, раньше вышла куда, черт ее знает, не нашел. Все перерыл – нету. Я лег спать. Только заснул, пришла милиция...

Тут начальник милиции почему-то засмеялся. На него посмотрели с недоумением.

- Ничего, ничего, – сказал начальник, – продолжай. Я потом объясню.
- Вы выпивши были, когда пришли? – спросил социолог.
- Крепко.
- Это все?
- Все. Который в трусах был, сильно визжал: я его хотел в мусоропровод затолкать, он уперся...
- Плечи пролезли? – выскочил с вопросом любопытный электрик.
- Куда? – не понял мрачный.
- В мусоропровод-то. Лишь бы плечи пролезли, а там весь пройдет.
- Ну все? – спросил начальник мрачного. И спросил как-то непросто, с каким-то значением. – На этом конец?
- Все, – ответил мрачный. – А что еще?
- А то, что ты не из своей квартиры людей выкинул, вот что. Они вон у меня как раз сидят, эти люди.

Мрачного как стулом в лоб ударили, он аж назад качнулся на койке.

- Как? – спросил.
- Не знаю. В двенадцатом часу ночи заявляется вот такой верзила и начинает

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru выкидывать людей с их собственной жилплощади... Я представляю, как люди заволновались: выселяют.

– Вот это дал, – молвил электрик. – Как же ты так? Перепутал, что ли?

Мрачный долго скорбно молчал, глядя себе под ноги... потом вдруг вскинул голову и крепко стукнул кулаком по колену.

– Не на тот троллейбус сел, – понял он. – Мне надо было на семнадцатый, а я, наверно, на девятку сел... или на четырнадцатый.

– О!.. В другой район приехал. Ничего себе! – электрик возбужденно хихикнул. – И дом, наверно, похожий попался...

– Похожий, – откликнулся мрачный. – И в квартире все так же... Даже попугай в клетке.

– Это бывает, – сказал начальник. – То и дело такие случаи.

– И что ему теперь будет, товарищ начальник? – спросил нервный. Он как-то странно притих и задумался. – Он же неумышленно...

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно сказал начальник. И встал. – Что значит «неумышленно»? Ну и что? Вы же знаете последние постановления... Поблажек никаких никому не будет. Ну, продолжайте, – велел он. И ушел.

– Продолжим, – сказал социолог. И посмотрел на нервного. – Вы?..

– А? – очнулся тот. – Так а чего продолжать-то?.. Тоже сплошное недоразумение. Провожал, знаете, друга... У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись, а у него на производстве со спиртом связано. Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар! Я уж говорю: «Коля, тормози, я не выдюжу», он только рукой машет. Ну, пришла пора ему ехать... И тут-то мы и наскочили с ним на мину. Такое вышло недоразумение, такое недоразумение!.. Но и люди тоже, знаете... Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы. Главное, мы же... это... по-хорошему! Я уж мысленно допрашиваю себя: «Соколов, может, что не так было?» Нет, все проверил, все изучил до последнего слова – все было на высшем уровне.

История на перроне, рассказанная Соколовым Соколов и его друг Коля, хихикая и отпуская невинные шуточки, прошли с чемоданом в вагон поезда дальнего следования. Прошли в вагон, отыскивали свое купе и, продолжая культурно хихикать, постучали в дверь. Им ответили из купе, что – «да, можно». Вошли они в купе, а там как раз четверо – все места заняты.

– Здравствуйте! – сказали Коля и Соколов. – А вы что, тоже все едете?

– Да, едем, – ответили им.

– Как это «едете»? – удивился сибиряк Коля. – А как же я? Что это еще за штучки!

– Тихо, тихо, Коля, – сказал Соколов, – только тихо. Сейчас все выясним, все проверим... Тут кто-то третий лишний. Попрошу билеты!

Четыре пассажира показали свои билеты – все правильно: они совершенно законно сидели на своих местах, они едут домой.

– Мне эти штучки сильно не нравятся! – воскликнул сибиряк Коля. – А как же я?

– Ну-ка, а ваш билет? – спросили его.

Коля показал свой билет... Один дотошный надел очки и долго крутил билет перед носом... Потом посмотрел его на просвет и сказал:

– Вы едете вчера, уважаемый, – и вернул билет.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Тут сибиряк Коля заволновался и стал показывать, что он в полном отчаянии и что необходимо срочно кого-то одного выкинуть из купе, ибо ему срочно надо ехать. Однако вежливый и корректный Соколов решил, что надо не так.

– Тихо, тихо, тихо, – сказал он, – сейчас мы установим, кто не едет. Не надо шума... Кому не так срочно? – спросил Соколов четверых. Четверо заволновались и стали показывать, что им тоже надо срочно.

– Тихо, тихо, тихо, – сказал им Соколов, – вы что, намекаете, что Николай Иваныч пойдет пешком? Вы ошибаетесь. Предлагаю жребий...

Эти четверо как все равно взбесились.

– Какой жребий?! – стали они кричать.

– Это нахальство!..

Кто-то даже крикнул:

– Позовите кондуктора!

Тут Коля-сибиряк вконец осердился.

– Закрывай дверь! – закричал он. – Они у меня под лавкой поедут, зайцами!

Но терпеливый Соколов не терял надежды решить все миром.

– Тихо, тихо, тихо, – опять воззвал он, – не надо шума. Вот вы, – обратился он к дотошному, который проверял у Коли билет, – вы сунулись к чемодану... Почему?

– Потому что, я смотрю, какие-то бандиты пришли... – заговорил было дотошный.

– Стоп! – осадил его Соколов. – Можете брать свой чемодан и выходить, нечего с бандитами в одном купе ездить. Верно, товарищи?

Николай Иваныч его поддержал и даже изъявил желание помочь вынести чемодан.

– Где его чемодан? Где твой чемодан?.. Который? Этот? Принимай, а то он на голову кому-нибудь упадет. Это называется едет человек в командировку – целую квартиру с собой везет. Что там у тебя?

Дотошный вцепился в свой чемодан, как в мелкую собственность... И всех рассмешил. Он закричал громко:

– Грабят!

Николай Иваныч так смеялся, что нечаянно сел женщине на колени; тогда мужчина, ее муж, нажал какую-то кнопку возле двери... А Николай Иваныч посидел маленько, потом встал и выкинул чемодан этого дотошного в окно.

– Кому он нужен, ваш чемодан! – сказал он. – И не вводите людей в заблуждение, что вас, дескать, грабят.

Тут прибежали кондуктор с милиционером...

– Вот и вся история, – закончил нервный. – Такое вот... недоразумение. И что вот?.. Что теперь? – нервный сорвался с койки и стремительно стал ходить по комнате, простыня разлеталась на нем в стороны, видны были его чрезвычайно худые ноги. – Что вот теперь?

– А где тот? – спросил электрик. – Сибиряк-то.

– А не знаю! Его куда-то в другое место повезли. Он, конечно, вообще-то неправильно сделал: взял выкинул этого гражданина тоже... с чемоданом вместе.

– В окно?

– Ну да, на перрон. А тот, по-моему, иностранец.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– О-о!.. – сказал сухонький. – Ничего себе!

– Худо дело, – сказал и электрик.

– Хорошо еще, там как раз почту везли, мешки... на этих... на тележках-то...

– На электрокаре.

– Он на них упал, а то бы...

– Только одно может спасти, – сказал сухонький.

– Что? – нервный сбавил свой стремительный шаг. – Что именно?

– Если... – сухонький опасливо глянул на социолога и вскочил тоже с койки. – Иди сюда, – позвал он нервного. И пошел в угол. – Иди сюда.

– Ну?

– Только одно может спасти, – быстро и негромко заговорил сухонький, – если этот, с чемоданом, окажется какой-нибудь шпион. Понял? Если бы его разоблачили...

– Ну, жди, когда его там разоблачат! – тоже негромко воскликнул нервный. – Пока его...

– Слушай сюда! – зашипел сухонький. – Послушай сперва, потом паникуй. Вы – так: мол, этот человек показался нам подозрительным – разглядывает, мол, все, всем интересуется... Чемодан у него какой-то... Говорил же твой друг: «Что это у тебя там?» У него фотоаппарата не было?

– Что же теперь, показался человек подозрительным – давай его из окна выкидывать?

– Ну, сидите тогда, – обиделся сухонький. И пошел на свое место. – Им хочешь, как лучше, а они... Сидите! Охота сидеть – сидите.

– Так, – сказал социолог заканчивая записывать историю нервного. – Ну, а вы? – это он к электрику.

– Да у меня тоже... с гостями связано, – стал охотно рассказывать электрик. Сперва он несколько сбивался, но скоро наладился, и все пошло гладко, и тон он обрел – снисходительно-грустный, но не безысходный. – Теща пришла и дочь ее с мужем. Мужа этого, свояка-то мово, фамилия – Назаров. Этот Назаров всячески распространяет про меня, что я часто выпиваю. Такой тоже склочный мужик, просто... это... не знаю. Я просто измучился с ним. «Назаров, – говорю, – ну что ты, ей богу? Ну что? Вот же какой ты чело-век, ей-богу! Вот же ведь какой ты». Морда, как на витрине, – весь... такой... только распоряжаться: долдонит и долдонит свое. «Да брось ты, – говорю, – Назаров, чего ты? Ну какой же ты, ей-богу! Не надо, Назаров, не надо. Ну чего ты?» А тут он кандидатскую диссертацию защитил... Ну, приходят вчера. А я за кефиром как раз ходил... Выпили, правда, на углу с мужиками по кружке пива. Я даже свою не допил: придет, думаю, этот Назаров, начнет опять... Мужики еще посмеялись. «Чего ты? – говорят. – Брось ты, – го-воят, – Пахомов, ерунду-то говорить: свояк какой-то. Брось, Пахомов, не надо». Э, думаю, не знаете вы Назарова. Нет, думаю, не буду. И вот прихожу я домой...

История в дома Пахомова, рассказанная Пахомовым

Приходит электрик к себе домой, а у него гости: теща его с дочерью и Назаров.

– Здравствуйте, – вежливо сказал электрик. – Ну что, Назаров, тебя можно поздравить?

– Можно поздравить, – сказал Назаров. – Можно поздравить.

– Поздравляю, – сказал электрик.

– Кто же на сухую поздравляет! – удивился Назаров.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И теща тоже удивилась:

– Ты что это, Пахомов, завязал, что ли?

Электрик ничего не сказал на это.

– Завязал, что ли? – еще раз спросила теща. – А?

– Нет, почему завязал, – молвил электрик после некоторого молчания. – Наоборот, я сейчас кружку пива выпил. А больше нет настроения.

– Что значит «нет настроения»? У людей такое событие... – это вступила жена электрика. – Сядьте и выпейте.

– Ну и что же, что у людей событие? А у меня нет настроения. Если желаете, могу сыграть в шахматы с кем-нибудь. Давай, Назаров?

– Ерунда какая-то получается, – возмутился Назаров. – К нему пришли как к человеку, а он – в шахматы. Фишер нашелся. Ты что, смеешься над нами?

– Никто над вами не смеется, а пить не буду. Я уже выпил сегодня кружку пива, хватит.

– Но так же тоже нельзя, – обиделась и жена Назарова, Назариха. – Зачем же нас в смешном виде-то выставлять?

– Никто вас в смешном виде не выставляет, – спокойно, с достоинством сказал электрик. – Наоборот, будьте как дома... Предлагаю в шахматы.

– Да при чем тут шахматы?! – закричал Назаров. – Я – ученый человек теперь, я столько трудов положил, а ты не соизволишь даже за столом со мной посидеть! У меня сейчас кризис после такого напряжения, а ты мне шахматы в нос суешь. Бессовестный ты после этого! У тебя никакого уважения нету к ученым. Как был электрик, так электрик и есть.

– Я ученых уважаю, – парировал эту бестактную выходку электрик, – но я не уважаю тех ученых, которые начинают сразу зазнаваться. Вот таких ученых я не уважаю, это ты точно заметил, Назаров! Смотри, Назаров, ох, смотри... зазнайство до добра не доводит. Смотри, Назаров.

– Нахал! – закричал опять Назаров. – А еще родственник! Ну давай хоть шампанского выпьем?

– Нет, – стоял электрик. – Ни шампанского, ни сухого – ничего.

– Пахом, – обратилась к электрику жена его, – людей надо уважать. Ну чего ты? Садись за стол... у меня всего полно: водки всякой, даже твоя любимая перцовка есть. Нельзя же так, в самом деле.

– Как? – спросил ее электрик.

– Да вот так-то вот: люди тебя упрощают, а ты не хочешь свою гордость побороть. Может, тебя обидел кто?

– Никто меня не обидел. Но только я пить не буду. Ясно? Пусть я электрик, но по принуждению пить не буду.

– Но, Пахом...

– Что «Пахом»? Что «Пахом»? Я пятьдесят лет Пахом. Я сказал – нет. Все.

– Но почему? Почему-у?!

– Не буду, и все. И хватит на эту тему. Давайте лучше в шахматы.

– Да пошел ты к чертовой матери со своими шахматами! – вышел из себя Назаров. – Чего ты привязался со своими шахматами. Я тебя последний раз спрашиваю: будешь пить?

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет.

Все некоторое время смотрели на упрямого электрика.

– Знаешь, кто ты после этого? – спросил Назаров.

– Не знаю, ну-ка?

– Верблюд. Те тоже подолгу не пьют в пустыне. Вот тебя тоже надо в пустыню...

– Куда, куда? – спросил электрик. – Куда меня надо?

– В пустыню, к верблюдам...

Электрик встал и дал Назарову шахматами в лоб. Фигурки разлетелись по полу... Электрик пополз их собирать.

– Извини, Назаров, – сказал он. – Я не хотел... Черт его знает, затемнение какое-то... Может, все же сыграем в шахматы? Или ты сильно обиделся?

– Обиделся? – спросил нервный электрика.

– Обиделся, – вздохнул электрик.

– Вот они все так. Ну до того обидчивые, до того обидчивые – спасу нет!

– Что же ему, спасибо говорить – в лоб засветили?... – подал голос мрачный.

– Он же извинился.

– Я же извинился.

– Не могу! – взревел вдруг урка. – Не могу!.. Счас буду метелить обоих – за вранье. Да хоть бы ввали, пала, как люди, а то врут, как... – урка сел в кровати и смотрел злыми глазами на электрика и нервного, которые сидели рядышком. – Христосики! Фишера! До того культурные, пала, до того вежливые – аж зубы ломит. Шмакодьявки... шкуру спасать кинулись. Никакой гордости у людей!

– Ты! – крикнул электрик Пахомов. – Ну-ка, закрой сифон! Смелый... Смелый? Ну-ка расскажи, как ты здесь очутился? Ну-ка?

– А чего мне скрывать-то? Напугал, пала. Я те все без науки скажу: взял часы у одного... Выпить не хватило, я вышел на улицу и попросил у какой-то пьяной шляпы часы в долг.

– Вона – часы в долг! – вконец обозлился электрик. – А костюм в долг не попросил? Часы он в долг попросил. Это и есть твоя гордость? Это об этом ты шумишь?

– Это называется – ограбил, а не попросил, – поддержал электрика нервный, тоже оскорбленный выкриками урки. – Интеллигент нашелся.

– Нет, это называется – по-про-сил, – настаивал урка. – Ты мне чужую статью не шей. Поал? Не шей. Я подошел и по-про-сил: «Гражданин, одолжи мне свои бока». Я не сказал: «отдай», я сказал: «о-дол-жи». Поал?

– Как? – спросил вдруг очкарик. – Как?

– Чего «как»?

– Как вы сказали: «бока»?

– Ну, бока – часы... Некоторые называют часы – бока. Еще называют – бочата. Если часы золотые, тогда – рыжие.

Очкарик встал и подошел к социологу.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– У вас какие очки? – спросил он. – Я не в том смысле, рыжие или нет, – с какой диоптрией?

– Минус четыре.

– Разрешите? – попросил очкарик.

Социолог снял очки и подал очкарику. Тот надел их... огляделся... Сказал:

– Неплохо.

Затем он подошел к урке и внимательно всмотрелся в него.

– Да, – сказал он. – Совершенно точно! Встать!

– Ша... – заговорил было урка.

– Встать! – опять скомандовал очкарик довольно властно.

– Ша, – сказал урка, поднимаясь. – В щем дело?

Очкарик развернулся и вклепил ему такую же звонкую, такую же отчетливую пощечину, как и давеча. Урка кинулся было на очкарика, но тот умело уклонился и правой в челюсть свалил урку на кровать.

– Это был я, – сказал очкарик спокойно. – Я вспомнил это идиотское «бока».

Урка хотел опять вскочить и вскочил, но очкарик спокойно стоял и ждал, так профессионально стоял и ждал, что урка... остался стоять.

– Та пьяная шляпа – это был я, – пояснил очкарик. – Я вспомнил слово «бока»... и узнал вас. Что вы отняли часы – это я готов понять: с такой рожей дарить, например, часы – нелепо. Но за что вы меня еще и ударили?

– Да що ты ко мне пришился?! – заорал урка истерично. – Какие щасы?

Открылась дверь, и вошел старшина. Он заглянул в бумажку с трудом прочитал:

– Гриши... Гриша-ков и Ковалев, к дежурному. В простынях прямо, там переоденетесь.

Урка и очкарик пошли на выход.

– Товарищ... – сказал социолог. – Очки-то.

– О! – спохватился очкарик. – Извините. Спасибо.

– Пожалуйста. Вы еще вернетесь?

Очкарик пожал плечами:

– Не знаю.

Старшина и двое в простынях вышли.

– Надавал он ему, – с восхищением сказал сухонький.

– Хилый-хилый, а двинул хорошо, правда, – Соколов нервно потер руки. – В челюсть красивый был удар.

– Сейчас вас, наверно, будут вызывать, – заговорил социолог. – Я бы хотел, чтобы еще кто-нибудь... Может быть, вы? – обратился он к сухонькому.

– Нет, – твердо сказал сухонький. – Я не буду.

– Почему?

– Не буду... Все, – у сухонького отчеканилась на лице непреклонность. Он пояснил:

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пусть наука занимается своим делом, а не бегаёт по вытрезвителям. Нашли тоже...
Делать, что ли, больше нечего?

– Да почему вы так?

– Да потому! До сих пор на луну не высадились, а по вытрезвителям бегаёте. На луну лететь надо, вот что! – сухонький чего-то осмелел и стал кричать на социолога. – Взяли моду – рису-уют, высмеивают... А на луну кто полетит?! Пушкин? Чем рисованием-то заниматься, на луну бы летели. А то на луну вас не загонишь, а по вытрезвителям бегать – это вы рады без ума. Чего тут хорошего? – бегаёте... Чего тут интересного? Ничего тут интересного нет – хворают люди, и все. Тяжело людям, а вы бегаёте с вопросами. На луну надо лететь!

Социолог очень изумился... Он поглядывался кругом, – полагая, что и все тоже изумились, – все внимательно слушали сухонького, и он тоже стал слушать. Сухонький враз как-то устал, лег на кровать и закрылся простыней.

– Последние силы растратишь тут, – сказал он. – У меня никаких историй не было, – еще сказал он, помолчав. – Я ручной. Причин никаких нету... Тоски тоже. И грусти нет. Я сам по себе... Независимый.

Социолог пожал плечами, посидел, уткнувшись в блокнотик, что-то записал. Потом повернулся к Ивану-трактористу.

– Я тоже, – сразу отрубил Иван.

– Что «тоже»? – не понял социолог.

– У меня тоже тоски нет.

– А при чем здесь тоска?

– Ну, вы же причину ищите.

– Да...

– Вот. Я ее не знаю. Но тоски никакой не было. Ехал в баню... Наоборот, хорошо на душе было.

– Нет, они этого не понимают! – вскричал вдруг сухонький и сел в кровати. – Ты им дай тоску какую-то – печаль! А так просто не может человек выпить! Просто – взял и...

Тут вошел старшина и объявил:

– Собирайтесь. Поедем в суд.

– Вот, – сказал сухонький, – а мы тут причину ищем. Счас нам найдут причину... помогут.

Суд
И грянул суд.

Судили три строгие женщины. Они сидели за столом, одна, похоже, главная, – в центре, две – по бокам, пожилая и молодая.

Подсудимые сидели в коридоре. Урки среди них не было.

Первого вызвали очкарика.

– Григорьев, – позвал старшина.

Подсудимые все пошевелились... Очкарик встал и пошел к двери, которая вела в комнату судей.

– Гришаков, – поправил он старшину.

– Чего? – не понял тот.

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Моя фамилия Гришаков, а не Григорьев.
 - Какая разница, – мирно сказал старшина.
 - Разница большая, – заметил сухонький. – Одно дело...
 - Ждите! – велел старшина. Сухонький замолк.
 - Здравствуйте, – сказал очкарик женщинам-судьям. С ним тоже поздоровались. И сказали:
 - Садитесь.
 - Мы ознакомились с вашим делом, – заговорила главная женщина. – Здесь – показания свидетелей... Заявление заведующего магазином...
 - Надо же – дело! – усмехнулся очкарик. Но он рано стал усмехаться, он это скоро понял.
 - Вы пока не улыбайтесь, – сказала пожилая женщина. – Не надо пока.
 - Да нет, я... но не очень ли это громко – дело? Там дела-то нет.
 - Есть дело, – говорила дальше главная женщина. – И вам действительно рано улыбаться.
 - А в чем дело-то?
 - Мы хотим услышать это от вас.
 - Я плохо помню. С утра вообще ничего не помнил... С мясником что-то? В магазине? Мне в милиции сказали сейчас...
 - Вы оскорбили продавца мясного отдела Завалихина Геннадия Николаевича...
 - О-о, – простонал очкарик. – Он же обвешивает покупателей! Этот лоб нахально обвешивает всех покупателей, я ему сказал это...
 - Минуточку, минуточку, – прервала его главная женщина, – давайте по порядку: вы сделали замечание продавцу. И выражайтесь... точнее: фамилия продавца Завалихин, никакой он не лоб.
 - Он самый настоящий лоб, лоботряс, жулик...
 - Сейчас не о нем речь, мы говорим о вас.
 - Хорошо. Что вас интересует?
 - Как было дело?
 - Я не помню.
 - Напомню. Двадцать пятого сентября сего года вы пришли в продовольственный магазин номер двадцать восемь, – стала рассказывать с бумажки женщина, – и сделали замечание продавцу мясного отдела Завалихину Геннадию Николаевичу, что он обвешивает покупателей. Завалихин вышел из-за прилавка и вывел вас на улицу...
- Очкарик поежился, качнул головой. Сказал негромко и горько:
- Кошмар.
 - Кошмар не в этом. Кошмар дальше: вы пошли, где-то напились и пришли в таком состоянии выяснять отношения с Завалихиным. Вас попытались остановить...
 - Хорошо... дальше не нужно: я что-то такое припоминаю. А где у меня часы отняли?
 - Это вы должны вспомнить, здесь происшествие в магазине...

А поутру они проснулись... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Хорошо... черт с ним, с часами. Что я теперь должен делать?

Три женщины выразительно посмотрели на него. Очкарик занервничал.

– Я не понимаю, – сказал он. – Ну, случилось... что дальше?

– Вы должны объяснить, почему вы устроили дебош в магазине. Почему напились? Часто это у вас?

– Я напился с отчаяния. Когда этот лоб выставил меня из магазина, я решил, что наступило светопреставление, конец.

– Не надо острить, – попросила молодая женщина. – Вы не уголовник, вы научный сотрудник, не забываете об этом.

– Я не острою, – заволновался очкарик. – И, пожалуй-ста, не напоминайте, кто я такой – это не имеет никакого значения.

– Это имеет значение.

– Это не имеет никакого значения, – уперся очкарик. – Это абсолютно все равно. Я решил, что дальше жить бессмысленно. У вас было когда-нибудь такое чувство?

– Здесь мы спрашиваем, Гришаков, – заметила главная женщина.

– Я и отвечаю: я отчетливо понял, что наступил конец света. Конец... – Гришаков мучительно поискал, как еще обозначить «конец», не нашел. – Конец, понимаете? Дальше я буду притворяться, что живу, чувствую, работаю...

– Он ударил вас?

– Нет, просто выкинул из магазина... И закрыл дверь. Я думал, он будет драться... я приготовился драться, поэтому покорно шел из магазина. Это ужасно... Это катастрофа.

– В чем катастрофа? – спросила пожилая женщина. – Уточните, пожалуйста.

– В том, что меня выкинули из магазина. Даже так: катастрофа в том, что... Не знаю, – вдруг резко сказал Гришаков. – Неужели вы сами не понимаете? В магазине орудует скотина... Черт, не знаю. Противно мне об этом говорить.

Примечания

1 Повесть осталась незавершенной.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!